

ВЛАДИМИР МЕНЬШОВ:

«К СЪЁМКАМ КАРТИНЫ Я ОТНОШУСЬ КАК К БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ»

Наверное, даже если бы он снял только один этот фильм, ставший классикой еще того, советского, кинематографа, он бы остался в его истории. Потому что картину "Москва слезам не верит" смотрит уже не одно поколение зрителей — и все так же сопереживает ее героям. Простая житейская история, рассказанная талантливым режиссером, оказалась близка и понятна не только нашему, но и зарубежному зрителю и подтверждением тому стала самая высокая награда американского кинематографа — премия "Оскар". Случай редчайший, особенно если помнить, что картина вышла на экраны в конце 1970-х годов. По письмам телезрителей, фильм "Москва слезам не верит" вошел в пятерку самых любимых фильмов. Но, к счастью, Владимир Меньшов не остался режиссером одного, пусть и очень яркого, фильма. Каждая снятая им

картина становилась явлением и фактом нашей культурной жизни. Вот только творческие паузы между их рождением нам, зрителям, казались иногда чересчур долгими. С вопроса, чем они были вызваны, и началась беседа.

— На это есть свои причины. Я принципиально нечасто творящий, нечасто "рожающий". Я более спокоен, я смирился с тем, что творческий цикл у меня большой. К тому же параллельно со съемками картины я больше ничего не могу делать, она занимает все мое время целиком. Дело в том, что картина требует полной концентрации власти, которая сходится на режиссере. Он должен решать буквально все и следить на съемочной площадке за всем, вплоть до шнурков на ботинках героя. И передоверить это никому нельзя.

— Вы, наверное, на съемочной площадке диктатор...

— Совсем нет. Наоборот, я этого как раз не люблю и не понимаю. Я за то, чтобы на съемочной площадке все рассуждали, высказывали свое мнение. Конечно, последнее слово остается за мной, и решение принимаю я, но это не диктаторское принятие решения, потому что мы приходим к нему, как правило, все вместе. Я и со своими предложениями, если они не находят поддержки, расстаюсь с легкостью. Я не боюсь остановить съемку и сказать: что-то не идет, неинтересно получается, давайте подумаем вместе. Может быть, именно потому, что к съемкам картины я отношусь как к боевым действиям, — год идет за три, после каждой из них я испытываю одно и то же состояние полной опустошенности.

— Фильм "Москва слезам не верит" стал одним из самых ярких кинематографических событий 70-х годов. Наверное, не было человека на просторах бывшего Союза, который бы его не посмотрел — и не по одному разу. О таком признании зрителей мечтает, наверное, каждый режиссер, и это был как раз тот случай, когда наутро вы проснулись знаменитым. Для вас такой успех картины был неожиданным, или вы все-таки были к нему готовы?

— Достаточно неожиданным. Если говорить о самом начале съемок, то, конечно, ни о каком успехе мы и не думали, не были к нему готовы. Наоборот, все во-

круг очень активно отговаривали меня снимать этот фильм, говорили, что сценарий плохой, что это проблематика прошлого, что это немодно, неинтересно и т.д. Но чем больше меня отговаривали, тем больше крепло во мне упрямство. Я знал, что смогу это снять и знаю, как это надо сделать. И только когда было отснято две трети картины, у меня появилось предчувствие успеха. Когда же начались премьерные показы уже отснятой полностью картины, на нее действительно обрушился необычайный успех, она была буквально осыпана различными наградами, и только кинематографисты в подавляющем своем большинстве сказали: "Тыфу! Господи, да мы такое одной левой можем сделать, просто хороший вкус не позволяет нам заниматься такой чепухой. А так бы мы запросто настрогали таких дешевок".

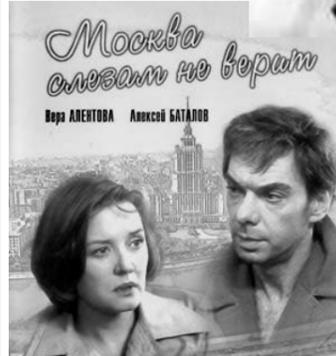
— И даже премия "Оскар", невиданная по тем временам для советских кинематографистов (за единичными исключениями) награда, не изменила их мнения?

— "Оскар" действительно поставил их немножко в тупик, но ни в чем не убедил. У них было одно желание — дождаться следующей моей картины, чтобы сказать: "Ну вот видите, это был случайный успех, на самом деле это непрофессиональная картина, дешевая мелодрама, случайно угадавшая социальное ожидание зрителя..."

Была и другая причина неприятия фильма "Москва слезам не верит" кинематографистами. В те годы среди людей искусства считалось модным слыть диссидентами, и кинорежиссеры не были исключением. Хорошим тоном считалось снимать картины, показывающие убожество нашей жизни — и вдруг снята картина о том, что жизнь у нас совершенно нормальная и жить в этой стране, оказывается, можно. Это вообще было невозможно, считалось принадлежностью "низкого" искусства неталантливых людей. После этой картины у меня вообще была тяжелая пауза в работе.

— И следующий ваш фильм — "Любовь и голуби" — появился только в 1985-м году.

— Да, ожидание хорошего сценария, поиск его у меня несколько затянулся. Это не значит, что я ничего не делал — было много предложений, но не находил ничего подходящего, пока не натолкнулся на историю, которая меня растрогала, задела за живое. Такого эмоционального потрясения я давно не испытывал. Картина "Любовь и голуби" вышла в марте 1985-го, что по времени совпало с перестройкой. И как это ни покажется странным, но перестройка на первых порах даже сузила наши тематические возможности. Поле творческого поиска было ограничено, было точно известно, что можно снимать, а что нельзя. А потом, в конце 80-х, ушло очарование первыми перестроечными годами, я стал понимать, что в стране происходит что-то не то. Идет никакая не перестройка, а слом по-крупному всего общества, всей нашей жизни, и совершенно непонятно, куда мы движемся. Все это вызывало сомне-

ния, и было желание осмыслить этот процесс и тоже попытаться сказать о том, что происходит, чему я являюсь свидетелем.

К счастью, я не сидел без работы, много снимался как актер, руководил творческим объединением — студией "Жанр", много работал и как член правления "Мосфильма", который нам, несмотря ни на что, удалось сохранить. Так что я не бездельничал и поэтому сначала довольно спокойно относился к своему режиссерскому простоя. Но чем больше времени проходило, тем хуже я себя ощущал. Порой, просыпаясь ут-

ром, я с ужасом думал: "Боже мой, что же я делаю? Я ведь кино не снимаю уже пять лет... шесть... семь... а ведь я определил себе срок в три года!". И только в 1996 году на экраны вышла моя новая картина "Ширли-мырли". 11 лет отделяют одну картину от другой. Даже если считать, что два года были заняты съемками, то 9 лет были наполнены ужасом, что я ничего не снимаю.

— Жанр "Ширли-мырли" — комедия-фарс — прямо скажем, не очень типичен для нашего сегодняшнего кинематографа, оккупированного либо фильмами "чернушного" содержания, весьма мрачными и по большей части весьма серыми, либо элитарными, а на самом деле просто малопонятными обычному зрителю. Вы сознательно искали сценарий именно такого фильма?

— Да нет, этот сценарий возник буквально из ничего, из каких-то разговоров. Ко мне в студию "Жанр" пришли Виталий Москаленко и Андрей Самсонов и предложили что-нибудь для нас написать, то есть конкретных предложений не было. Стало думать, что бы это могло быть. Я и сказал, что сейчас хорошо бы смотрелась простенькая комедия, даже, скорее, комедия положений, где, скажем, перепутались бы двойняшки, а может быть, тройняшки. И долгое время наши обсуждения носили такой необязательный характер, пока не начала выкристаллизовываться идея, ради которой сценарий,

собственно, и создавался. Таким стержнем нашей комедии стали национальные отношения. Когда материал стал организовываться, я сел и переписал все от начала и до конца сам — и тогда это приняло ту форму, которая легла в основу фильма. Так я стал его соавтором. А потом ребята мне сказали: давайте вы уж и ставьте его сами. И я подумал: а почему бы и нет, может быть, это именно то, что нужно сегодня зрителю — найти какой-то комедийный, фарсовый ракурс всей нашей действительности. Вот так возник этот фильм.

— Несмотря на очевидный успех вашей комедии, критика, по-моему, приняла ее не очень хорошо. История повторилась?

— Критика восприняла ее плохо. Действительно, повторяется история с фильмом "Москва слезам не верит". Честно говоря, наученный горьким опытом, многого от критики я и не жду. Кинокритика у нас, к сожалению,

очень невежественная. Я больше доверяю критике театральной. Она более глубокая.

На мой взгляд, сознательная непонятность художественного произведения, которая отгораживает зрителя от режиссера, — принципиально неверна. Любое народное произведение искусства понятно народу — и в этом высшее проявление народности искусства. И надо не издеваться над этими "мыльными операми", а серьезно думать о том, как их облагородить, приблизить к нашему зрителю, поднять их до уровня настоящего искусства. Думаю, что на этом пути можно одерживать победы.

— Говорили вам: "Какую ерунду вы снимаете"?

— Говорили. Безвкусица, ерунда, рядовая народная комедия, не смешно, много пошлости — все что хочешь в наборе. И только несколько человек от души меня поздравили. После картины "Москва слезам не верит" друзья мне говорили: да брось переживать, это так естественно, это обычная зависть. Но человек ведь не может сказать: я ему завидую и потому не выношу его картину. Нет, зависти нужны какие-то идейные подпорки, которые всегда находятся, хотя в подпорке, возможно, лежит элементарная мысль: вот зараза, надо же, опять снял зрительский фильм, опять угадал что-то такое, чего мы никак не можем угадать.

— Вы довольно активно участвуете в общественной и политической жизни, ходите на разные собрания, много ездите по стране. Скажите, творческому человеку необходимо быть в гуще событий или все же его дело прежде всего — творить?

— Во-первых, мне это интересно. Это совершенно иной круг людей, чем тот, с которым я общался раньше, иной человеческий тип, который очень интересно наблюдать. И потом, политическая игра — это такой детектив! Думаю, что в конечном итоге мои впечатления и наблюдения обязательно пригодятся мне в творчестве, пока не знаю, как именно, но свое применение они найдут.

А потом, я не очень понимаю, когда меня спрашивают: почему вы, режиссер, идете в политику? А почему, собственно, не идти? Кто имеет право заниматься политикой? Только юрист? Но юрист должен решать проблемы на уровне законотворчества. А сейчас мы переживаем время, когда надо решить: туда ли мы вообще идем. И этот вопрос на уровне только законов и логики не решается. Возможно, более правильными и точными могут оказаться ходы именно интуитивные, а такое мышление больше присуще людям творческим. Поэтому я для себя участие в политической и экономической жизни не отвергаю. Хотелось бы, конечно, сочетать их с творческой, потому что именно она — моя главная жизнь. О чем мечтаю? Снять бы еще парочку картин...

По материалам
информгентств.